

Ракшанин Николай Осипович

**Господа миллионеры: Роман
в 2 частях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Осипович Р.**
Господа миллионеры: Роман в 2 частях / Ракшанин Николай Осипович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 240 с.

ISBN 978-5-519-80288-8

ISBN 978-5-519-80288-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

водить въ своихъ комнатахъ — Дмитрій Петровичъ давно уже привыкъ завтракать утромъ и чай пить въ одиночку. Едва-ли не специально для этихъ одинокихъ завтраковъ догадливый архитекторъ, строившій домъ Дмитрія Петровича, придумалъ крошечную интимную столовую со стѣнами, залицованными моренымъ дубомъ и старинной, такого-же моренаго дуба, рѣзной мебелью.

Глазовъ завтракаетъ быстро, по-наполеоновски. Два яйца въ смятку, хорошій кусокъ ветчины, маленькая пожарская котлетка и стаканъ крѣпкаго горячаго чаю, — все это съѣдается съ особой стремительностью дѣлового, понимающаго, что время—деньги, человѣка, привыкшаго особенно цѣнить свои утренніе часы...

Къ концу завтрака скверное расположеніе духа, въ которомъ Дмитрій Петровичъ поднялся съ постели, окончательно испарилось. Только въ глазахъ еще время отъ времени вспыхивало выраженіе недовольства, и брови порою почти произвольно сдвигались.

Вытеревъ усы салфеткой, Глазовъ скомкалъ ее и бросилъ на столъ, а затѣмъ закурилъ папирску и, затягиваясь душистымъ дымомъ, вышелъ въ обширную аванзалу, соединенную съ вестибюлемъ.

Это была лучшая комната въ роскошномъ, стоящемъ милліоны домѣ. Талантъ молодого архитектора, создавшаго себѣ карьеру постройкой этого дома, тутъ проявился съ особой яркостью. Это вступленіе въ роскошные апартаменты мануфактуръ-совѣтника производило величіемъ своимъ такое сильное впечатлѣніе, что, казалось, даже подавляло собою грандіозность всего сооруженія.

Прямо изъ тамбура параднаго подъѣзда посѣтитель входилъ въ небольшой и узкій, поражающій простотой строго выдержаннаго стиля, вестибюль. Въ нѣсколькихъ шагахъ изъ тамбура вестибюль этотъ непосредственно соединялся арками и лѣстницей въ нѣсколько ступеней съ обширнымъ и роскошнымъ аванзаломъ. Почти вся задняя стѣна аванзала представляла собою

одно громадное венеціанское окно, составленное из множества небольшихъ шестиугольныхъ стеколъ, заключенныхъ въ посеребренной рамѣ. Начиная отъ арокъ, все въ этомъ аванзалѣ—и стѣны, и потолокъ были сплошь изъ темнаго американскаго рѣзнаго орѣха. Стиль величественной готики соблюденъ съ педантической аккуратностью и производитъ, благодаря тонкой деревянной рѣзбѣ и высотѣ аванзала, удивительное впечатлѣніе сочетанія легкости и красоты. У перилъ лѣсенки громадные стальные драконы поддерживаютъ канделябры съ тюльпанами электрическаго освѣщенія; въ углахъ и въ глубинѣ, у окна, цѣлыя кущи громадныхъ тропическихъ растений. Среди нихъ тяжелый орѣховый столъ и тяжелая-же орѣховая скамья по образцу обыкновенныхъ садовыхъ. Это — для поджидающихъ хозяина дома дѣловыхъ гостей и просителей. Вся остальная мебель аванзала состоитъ изъ нѣсколькихъ кресель-троновъ съ рѣзными, очень высокими спинками и спускающимися со стѣнъ балдахинами въ томъ-же строго выдержанномъ готическомъ стилѣ. Кресла эти обтянуты малиновымъ стариннаго вида съ золотыми тисненіями бархатомъ. Весь полъ обширнаго аванзала и лѣсенка, соединяющая его съ вестибюлемъ, затянута пушистымъ одноцвѣтнымъ зеленымъ ковромъ. Съ высокаго потолка спускаются нѣсколько рѣзныхъ, все того-же стиля, фонариковъ, замыкающихся дугообразными электрическими шарами.

Входя въ аванзалъ, Дмитрій Петровичъ заранѣе зналъ, что тамъ его уже поджидаетъ его личный секретарь Антонъ Антоновичъ Дюкъ. И точно: при появленіи Глазова, со скамьи у тропическихъ растений поднялся молодой человекъ въ сѣромъ костюмѣ и почтительно поклонился. Это и былъ Антонъ Антоновичъ. Блѣдное съ задумчивымъ выраженіемъ лицо его и свѣтлые, точно улыбающіеся глаза производили пріятное впечатлѣніе. А манера держать себя — скромная, но съ соблюденіемъ личнаго достоинства — невольно под-

купала въ пользу Дюка всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ какое-либо дѣло.

Дмитрій Петровичъ просто, безъ малѣйшаго отгѣнка, поздоровался съ своимъ секретаремъ, пожавъ ему руку, и затѣмъ, быстро взглянувъ на объемистый портфель, всегда сопровождавшій Антона Антоновича, спросилъ:

— Много?

— Понабралось. Есть и важныя бумаги, и просительныя письма.

— Пойдемте, въ такомъ случаѣ.

И Дмитрій Петровичъ въ сопровожденіи Дюка повернулъ налѣво и поднялся по устланной ковромъ лѣстницѣ во второй этажъ. Прямо съ площадки лѣстницы—дверь билліардной, налѣво—дверь въ рабочій кабинетъ. Это—свѣтлая обширная комната со шкафами изъ красного дерева, круглымъ столомъ посрединѣ и обширнымъ письменнымъ столомъ стариннаго фасона. Мебель простая, но цѣнная. Такую мебель теперь уже не работаютъ. Она видала виды и поражаетъ строгой простотой работы.

Дмитрій Петровичъ слушалъ докладъ секретаря не у письменнаго стола, а у круглаго стола, стоящаго посрединѣ комнаты. Тутъ онъ вооружился толстымъ цвѣтнымъ карандашемъ и, безостановочно попыхивая папирской, просматривалъ подаваемые ему бумаги. Антонъ Антоновичъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и излагалъ ему содержаніе бумагъ металлическимъ звукомъ пріятнаго высокого тенора.

Дмитрій Петровичъ обладалъ способностью быстро улавливать содержаніе бумаги: исполненіе имъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій выборной видной должности создало этотъ навыкъ. Послѣ получасовой работы цѣлая связка бумагъ, но уже съ помѣтками, сдѣланными цвѣтнымъ карандашемъ и крупнымъ почеркомъ, вновь была спрятана Антономъ Антоновичемъ въ портфель.

Слѣдовала очередь просительныхъ писемъ. Тотъ же высокій тенорокъ Антона Антоновича продолжалъ докладывать. Глазовъ въ одно и то-же время и слушалъ,

и пробѣгалъ глазами письма. Ежедневно такія письма получались имъ въ значительномъ количествѣ, и Дмитрій Петровичъ давно выработалъ себѣ извѣстную систему въ отношеніи къ нимъ. Онъ заранѣе разъ навсегда опредѣлилъ сумму ежедневнаго расхода на этого сорта добрыя дѣла. И затѣмъ, выслушивая докладъ о просителяхъ, дѣлалъ сообразно съ настроеніемъ и впечатлѣніемъ, какое производило письмо, ту или другую пометку, цифра обозначала сумму, подлежащую выдачѣ, буквы „Б“ и „П“ обозначали роковое „безъ послѣдствій“.

Глазовъ прекрасно понималъ, что такого рода благотвореніе имѣетъ характеръ лотереи. Но онъ этого и добивался. У него не было ни времени, ни особой охоты изучать дѣйствительныя нужды такихъ случайныхъ просителей. Мало того: въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что такія подачки пользы принести не могутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрилъ, что „милліоны обязываютъ“ и что онъ не имѣетъ нравственнаго права проходить мимо людей, протягивающихъ къ нему руку за помощью. Пусть-же случай, судьба, настроеніе или все что угодно, только не сознаніе, рѣшаетъ, кто изъ просителей будетъ ошастливленъ, а кто обездоленъ...

Цѣлый часъ ушелъ на эту работу. Глазовъ облегченно вздохнулъ, когда Антонъ Антоновичъ закрылъ свой объемистый портфель, и поднялся. Онъ былъ такъ доволенъ окончаніемъ этой скучной работы, что ему даже хотѣлось сказать что-нибудь пріятное своему секретарю.

— Сегодня холодно?—спросилъ онъ и улыбнулся.

— Да, морозецъ значительный.

— То-то у васъ видъ свѣжій. Я замѣтилъ, что оттепель дѣйствуетъ на васъ нехорошо.

Пожатіе руки — и Антонъ Антоновичъ, любезно изгибая спину, удалился изъ кабинета, а Глазовъ пересѣлъ къ письменному столу и занялся просматриваніемъ газетъ. Но онъ просматривалъ ихъ сегодня чрезвычайно разсѣянно: онъ зналъ, что наступаетъ мо-

ментъ появленія Серафимы Алексѣвны, и чувствовалъ приближеніе не совсѣмъ пріятнаго разговора. Непріятное настроеніе вновь начало овладѣвать имъ. Въ другое время Глазовъ постарался-бы избѣжать его, но вчерашній намекъ Марьи Петровны былъ такъ опредѣлененъ... Нѣтъ, разговоръ съ женою былъ дѣломъ настоящей необходимости.

Серафима Алексѣвна въ это время поднялась съ постели и даже успѣла совершить свой утренній туалетъ. Она не признавала утреннихъ завтраковъ мужа и выпивала лишь чашку кофе, который сервировали ей въ крошечномъ будуарѣ, соприкасающемся съ ея спальней.

Спальни супруговъ расположены были рядомъ и соединялись узкой, одностворчатой дверью, и съ той, и съ другой стороны задрапированной гобеленами. Наканунѣ послѣ визита къ матери, а особенно послѣ разговора съ сестрой, Дмитрій Петровичъ не захотѣлъ сейчасъ же возвращаться домой, такъ какъ чувствовалъ себя разстроеннымъ и раздосадованнымъ, и предпочелъ отправиться въ клубъ. Игра въ винтъ по крупной имѣла способность успокаивать его нервы. Онъ часто прибѣгалъ къ этому средству и охотно проигрывалъ сотни рублей въ вечеръ, лишь-бы не лечь въ постель съ взбудораженной нервной системой.

Поздно онъ не любилъ засиживаться, такъ какъ привычка рано вставать поднимала его съ постели всегда въ одинъ и тотъ-же часъ, независимо отъ того, когда онъ легъ. Въ первомъ часу онъ былъ уже дома и хотѣлъ было пройти въ будуаръ жены, но Федоръ остановилъ его почтительнымъ докладомъ:

— Серафима Алексѣвна извоили выѣзжать куда-то, но вернулись уже давно и, кажется, теперь започивали.

Дмитрій Петровичъ зналъ, что Федоръ хорошо осведомленъ, куда ѣздила Серафима Алексѣвна. Стоитъ спросить Федора—и онъ доложить. Но Глазовъ удержался и не задалъ лакею этого щекотливаго вопроса.

Онъ прошелъ прямо въ спальню, быстро раздѣлся, выпилъ нѣсколько глотковъ содовой воды, нажавъ пружинку тутъ-же приготовленнаго сифона, и отпустилъ Федора.

Мягкій электрическій свѣтъ слабо освѣщалъ роскошную спальню миллионера; стѣны, облицованныя мраморомъ, лѣпной потолокъ, широкая, удобная низкая постель, такъ поставленная, что доступъ воздуха къ ней свободенъ со всѣхъ сторонъ, широкая кушетка, покрытая мягкимъ мѣховымъ покрываломъ, низенькій столикъ съ электрической лампочкой у самой постели, широкая удобная качалка въ углу и мягкій, пушистый коверъ, — все это Дмитрій Петровичъ окинулъ равнодушнымъ взглядомъ, точно не зная, что ему теперь предпринять и что начать дѣлать.

Спать ему не хотѣлось. Онъ нѣсколько разъ искося посмотрѣлъ на дверь, ведущую въ спальню жены, но рѣшился не сразу; въ туфляхъ на босую ногу и въ шелковомъ восточномъ халатѣ онъ сначала прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, а затѣмъ уже подошелъ къ старинному гобелену и нажалъ кнопку. Дверь не подалась. Глазовъ попробовалъ еще разъ — результатъ тотъ-же.

Онъ круто повернулся, быстро дошагалъ до кровати, сбросилъ халатъ прямо на полъ, отшвырнулъ туфли, погасилъ электричество и легъ.

Случалось и прежде, что Серафима Алексѣевна запирала дверь своей спальни, когда Дмитрій Петровичъ являлся поздно домой. Слѣдовательно, ничего особеннаго въ этомъ не было. Но дѣло въ томъ, что именно въ послѣднее время это начало повторяться особенно часто... Сегодня, именно сегодня, Глазовъ очень боялся этого. Играя въ клубѣ въ карты, онъ думалъ именно объ этомъ, и вотъ теперь всѣ его предположенія оправдались. До разговора съ сестрой, онъ, можетъ быть, не обратилъ бы даже вниманія на этотъ поступокъ жены, но теперь...

Дмитрій Петровичъ долго не могъ заснуть и вотъ

причина, почему онъ проснулся въ плохомъ расположеніи духа. Затѣмъ это подавленное настроеніе какъ-бы разсѣялось, но въ настоящую минуту, когда наступилъ моментъ неизбѣжнаго свиданія съ женой, оно точно вновь возродилось. Въ первый разъ въ жизни онъ шелъ къ женѣ съ такимъ чувствомъ, какое копошилось теперь въ его груди, а потому, спускаясь внизъ, Дмитрій Петровичъ умышленно замедлялъ шаги на лѣстницѣ, умышленно остановился въ обширной и роскошной столовой стиля Тюдора, точно впервые изучая лѣпку и украшенія массивнаго камина...

Онъ засталъ Серафиму Алексѣвну за ея обычнымъ въ этотъ ранній часъ занятіемъ: она просматривала просительныя письма, адресованныя на ея имя. Жена еще менѣе, чѣмъ мужъ, придавала значенія этого рода благотворительности. Она благотворила вообще съ большою осторожностью, съ серьезной вдумчивостью. Въ дѣтствѣ она, если не видала настоящей бѣдности, то часто встрѣчалась съ недостаткомъ въ средствахъ. Благодаря этому она умѣла, а можетъ быть только думала, что умѣла, отличать настоящую нужду отъ поддѣльной. Въ то-же самое время она не хуже Дмитрія Петровича знала, что грошевымъ подаеніемъ никакой нуждѣ не поможешь и часто высказывала, что если милліоны дѣйствительно обязываютъ, то во всякомъ случаѣ это обязательство не можетъ оправдать поощренія нищенства.

И многочисленные просители и просительницы знали, что небольшихъ единовременныхъ пособій отъ Серафимы Алексѣвны ждать не слѣдуетъ: она или изорветъ и броситъ письмо, или ужъ окажетъ серьезную, дѣйствительную помощь.

Переступивъ порогъ небольшого кабинета жены, Дмитрій Петровичъ подошелъ къ Симѣ, какъ онъ ее называлъ обыкновенно, и сначала приложился къ рукѣ, а затѣмъ запечатлѣлъ сочный поцѣлуй на ея губахъ. Серафима Алексѣвна выглядѣла очень довольной, веселой и спокойной. На матово-блѣдномъ, словно точе-

номъ лицѣ ея игралъ здоровый, весело пробивающійся румянецъ. Каштановые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосы не были еще причесаны и широкой, густой волною спускались по ея плечамъ. Во имя гигиены волосъ она мочила ихъ чѣмъ-то по утрамъ и затѣмъ просушивала такимъ образомъ. Большіе сѣрые глаза, опущенные темными рѣсницами, смотрѣли на мужа ясно и привѣтливо, стройная фигура ясно обрисовывалась круглыми формами среди мягкихъ складокъ плюшеваго, цвѣта геліотропъ, отдѣланнаго кружевами, капота.

— Ты вернулся поздно?

— Не особенно, но во всякомъ случаѣ достаточно поздно для того, чтобы найти твою дверь запертою...

Серафима Алексѣевна, повидимому, не захотѣла понять намека.

— Былъ я вчера вечеромъ у мамыши и, между прочимъ, разговаривалъ съ сестрой.

— И что-же тебѣ изволила сказать милѣйшая Марья Петровна?

Въ тонѣ, какимъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, чувствовалась насмѣшка. Теперь въ свою очередь Дмитрій Петровичъ не захотѣлъ замѣтить интонаціи и продолжалъ:

— Я говорилъ съ ней по поводу ея странныхъ отношеній къ этому прощальгѣ...

Серафима Алексѣевна невольно поморщилась.

— Не взыщи на выраженіи, иного слова и не подберу. И вообрази себѣ, что въ отвѣтъ на это Маша выпалила мнѣ, что и у моей супруги точно такія-же, а можетъ быть еще болѣе странныя отношенія къ подобному-же господину.

При этихъ словахъ щеки, лобъ, а затѣмъ и шея Серафимы Алексѣевны покрылись яркимъ румянцемъ.

— Это намекъ на кого-же изъ нашихъ знакомыхъ?

— Разумѣется, на Кривецкато.

Дмитрій Петровичъ не спускалъ глазъ съ жены, а она склонила голову и молчала, тяжело дыша.

II.

Молчаніе продолжалось довольно долго.

Дмитрій Петровичъ изучалъ выраженіе лица жены, а Серафима Алексѣевна старалась овладѣть собою, не желая обнаруживать того волненія, которое охватило ее.

Она уже давно ждала, что рано или поздно между нею и мужемъ будетъ разговоръ о частомъ появленіи Кривецкаго въ ея гостиной. Она не скрывала своей симпатіи къ этому господину, не дѣлала секрета изъ его визитовъ. Напротивъ: она явно оказывала ему предпочтеніе въ присутствіи даже лицъ вполне постороннихъ, искренно считая себя вполне свободной въ выборѣ друзей.

Не только теперь, когда она жена и мать семейства, Сима научилась ограждать свою самостоятельность отъ чьего-бы то ни было вліянія. Еще въ дѣвушкахъ она неохотно подчинялась волѣ суроваго отца и не менѣе суровой матери, и какъ-то такъ умудрялась устроить свою личную жизнь, что у нея былъ свой кругъ знакомыхъ, свои личные друзья, не всегда угодные папашѣ съ мамашей.

За все время замужества до настоящей минуты у нея съ мужемъ не было разговора объ ея личной жизни. По этому вопросу у нея съ Дмитриемъ Петровичемъ состоялось нѣчто вродѣ молчаливаго соглашенія: Глазовъ не вторгался въ ея личную жизнь, она безъ его приглашенія никогда не вмѣшивалась въ его дѣла и въ его отношенія къ людямъ.

Ей думалось, что такая щепетильность лучшая гарантія семейнаго счастья. И если въ послѣднее время она была убѣждена, что Дмитрій Петровичъ рано или поздно, но потребуетъ отъ нея отчета объ ея отношеніяхъ къ Кривецкому, то это только потому, что Кривецкій дѣйствительно бывалъ ужъ слишкомъ часто, а сама она не хотѣла стѣснять себя въ данномъ случаѣ, точно игнорируя приличія.

По временамъ ее даже удивляло, почему Дмитрій Петровичъ, повидимому, совершенно не обращаетъ вниманія на этого новаго друга своей молодой жены. Нѣчто вродѣ женскаго самолюбія заявляло протестъ противъ такого равнодушія, и Серафима Алексѣевна съ удвоеннымъ интересомъ ждала неизбежнаго разговора. Но теперь этотъ разговоръ произвелъ на нее непріятное, раздражающее впечатлѣніе. Ее непріятно поразило то обстоятельство, что мужъ не самъ догадался, а натолкнули его на извѣстное подозрѣніе со стороны. И кто-же натолкнулъ? милѣйшая „сестрица“ Марья Петровна...

Чувствуя, что молчаніе продолжается слишкомъ долго и можетъ показаться страннымъ, Сима, наконецъ, подняла свои глаза на мужа и спросила съ полунасмѣшливой гримасой:

— И что-же вы отвѣтили на это милой сестрицѣ?

Дмитрій Петровичъ пожалъ плечами.

— Сознаюсь, я потерялся. Говоря по правдѣ, я до сихъ поръ никакого вниманія не обращалъ на этого Кривецкаго, а между тѣмъ онъ дѣйствительно что-то ужъ очень зачастилъ; да и ты, Сима, оказываешь ему очень откровенное покровительство.

— Онъ вполне этого заслуживаетъ...

— Можетъ быть. Не спорю. Но полагаю, что и нашъ покой заслуживаетъ того, чтобы онъ не былъ нарушенъ пустой и вздорной сплетней.

Это вѣрно, что Глазовъ до сихъ поръ не обращалъ никакого вниманія на Кривецкаго, но вчерашній намекъ сестры точно разомъ открылъ ему глаза на многое. Какъ нарочно, по возвращеніи домой, онъ засталъ дверь спальни жены запертой на ключъ... Воображеніе дополнило остальное. У него еще нѣтъ настоящаго подозрѣнія, но онъ не дастъ себя провести бабьими уловками...

Слѣдя за выраженіемъ лица мужа, Серафима Алексѣевна догадывалась о сущности его размышленій. Она отнюдь не была расположена обострять свои от-